

СОТНИК

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Фельдъегерь

Юрий Корчевский

Сотник

«Феникс»

2015

Корчевский Ю. Г.

Сотник / Ю. Г. Корчевский — «Феникс», 2015 — (Фельдъегерь)

ISBN 978-5-222-39657-5

Продолжение знаменитого цикла о приключениях Алексея Терехова, бывшего офицера фельдъегерской службы России, в далеком прошлом. Выжив в авиакатастрофе, Алексей становится обладателем редчайшего артефакта, способного переносить человека во времени. Вернувшись в наши дни, он живет скучной, обыденной жизнью, но время от времени достает заветный артефакт из тайника и предается воспоминаниям. И вот случайное прикосновение к магическим рунам и... Алексей снова в Древней Руси во времена нашествия хана Батыя. Что ж, придется бывшему фельдъегерю вспомнить, с какой стороны держаться за меч...

ISBN 978-5-222-39657-5

© Корчевский Ю. Г., 2015

© Феникс, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Моголы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Корчевский

Сотник

Пролог

Выжив в авиакатастрофе, фельдъегерь Алексей Терехов знакомится с замечательной девушкой Натальей, ставшей впоследствии его женой.

Изъятый им у убитого беглого зэка невзрачный камень оказывается редчайшим в своем роде артефактом, переносящим человека в другое время.

Алексей попадает в Византийскую империю и проходит путь от рядового гоплита до трибуна. Побратавшись с легатом Острисом, он не раз спасает ему жизнь.

В дальнейшем благодаря артефакту он участвует в Крестовом походе под водительством короля Ричарда Львиное Сердце. Отказавшись казнить пленных сарацин, он сам едва избегает гнева короля и покидает рыцарей-крестоносцев.

Приняв имя рыцаря из Бургундии, Анри Саважа, умершего на его глазах, Алексей заводит дружбу с немцем Конрадом, который вместе с ним верой и правдой служит Владимиру Мономаху, Великому князю Киевскому.

Вернувшись в свое время, Алексей довольно долго ведет размеренный образ жизни семейного человека. Но он чувствует, что ему не хватает драйва, адреналина, и потому, не в силах удержаться, в очередной раз прибегает к помощи артефакта.

Он участвует в походе на болгар, с новгородскими ушкуйниками грабит саамские земли – только не по сердцу ему разбой. При боярине рязанском Кошкине он становится сыном боярским, а уже после поединка с Тагир-Батыром князь его жалует боярином.

В трудных обстоятельствах Алексею удастся выжить, остаться верным долгу воинскому, сохранить честь и порядочность, а еще – обрести настоящих и верных друзей.

Глава 1. Моголы

Шло время, и после последнего приключения Алексея Терехова в другом времени прошло уже полгода. Жизнь его текла по наезженной колее: дом, работа – все как у многих других людей. Обиженная квартира, жена Наталья любимая. Когда они познакомились, то вначале невзлюбили друг друга. Но коли правду говорят, что от любви до ненависти один шаг, то правда и то, что от ненависти к любви – тоже короткое расстояние. Сейчас Алексею и представить сложно, что рядом с ним могла быть другая женщина.

Они купили машину – из бюджетных иномарок, регулярно посещали выставки, музеи, театры: в плане культурного досуга Наталья была большой затейницей.

Для поддержания физической формы Алексей ходил в секцию боевых единоборств, только в отличие от спортсменов качалками и тяжестями не увлекался. Рельефные мышцы – это, конечно, красиво, на пляже женщины их обладателей взглядами ласкают, только накачанные мускулы в быстроте реакции проигрывают.

Один из занимающихся в секции предлагал Алексею поучаствовать в исторических реконструкциях, только это было Алексею неинтересно. После реальных боев – до крови, до смерти врага – уже больно все это было пресно. Это было все равно как если бы после реальной машины он сел за компьютерный симулятор. Звук мотора есть, на мониторе дорога навстречу летит, но тем не менее присутствует ощущение обмана. Все равно что пить безалкогольное пиво.

Кто-то в ночные клубы ходил, время убивал; другие же, кому в жизни адреналина не хватало, занимались вещами рискованными – бейсджампингом, стритрейсингом. Но Алексей считал, что риск должен быть оправдан. Ну, прыгнешь ты с высокой мачты или заводской трубы с парашютом – что, мир от этого лучше станет? Нет за этим дела благородного, нужного людям.

Перекося какой-то в обществе настал. Не сразу, почти незаметно, но все больше заморский образ жизни, его ценности стали входить в моду. Только ведь жизнь там другая, как и менталитет. Не наше это, чуждое. И вот ведь, двадцать семь лет Алексею, не старик, а иной раз молодых, почти сверстников своих понять не мог. Зачем тебе суши, если ты расстегаев не ел? Гнилые ценности на Западе, если они ничего лучше однополых браков предложить не могут. А это тупик. Нет, Алексей не цеплялся за исконную и домотканую, но и россиянам было чем гордиться.

Периодически, когда Натальи дома не было, он вынимал из маленького тайничка под подоконником кожаный мешочек и доставал из него артефакт со следом, оставленным ножом подосланного убийцы, перстень с бриллиантом и золотую фигу – подарки Остриса. Разглядывал, оглаживая пальцами – воспоминания захлестывали. И ведь было чем гордиться, один поединок с Тагир-багатуром чего стоил! Осторожничал, конечно, еще неизвестно, что мог его артефакт выкинуть, потому всякий раз перед этим пояс с боевым ножом в чехле надевал.

Однако сколько он ни гладил камень с рунами, ничего не происходило. Видимо, выщерблина от ножа не прошла для артефакта даром, нарушились его свойства. И через какое-то время, убедившись в бесплодности своих попыток, Алексей и пояс надевать перестал. Камень с необычными свойствами стал просто вещью, напоминавшей ему о славном боевом прошлом.

Когда Алексей осознал это, он два дня пребывал в глухой тоске, и если бы Наталья со своей интуицией не уловила его состояние, ему пришлось бы совсем плохо. В душу к нему она не лезла, не тормозила, но затянула его на американские горки, потом на водные аттракционы, а вечером – на дружескую вечеринку к знакомым на дачу, где звучали анекдоты и были танцы до упаду.

Постепенно горечь невосполнимой утраты ушла, осталось только сожаление и даже обида. Алексей все реже брал в руки камень, чтобы не бередить душу воспоминаниями. Но памяти не прикажешь.

Однажды он случайно переключил канал телевизора, а там – «Монгол». С виду одежда, оружие, традиции – как у половцев или печенегов, одно слово «степняки». Время для них как будто застыло, с пятисотого по тысячу пятисотый год стояло на месте – юрты, кони, сабли, халаты, набеги. Как жили разбоем и скотоводством, так и продолжали жить. А в Европе за это тысячелетие появились пушки, компас, большие корабли, книгопечатание, искусства. Два мира, две идеологии.

Но фильм смотреть – это одно, а ведь он сам все это видел, своими глазами, во многих событиях участвовал, вложил свою, пусть и малую лепту в изменение мира.

Наталья в среду уехала в командировку, журналиста, как и волка, ноги кормят. Обещала вернуться через три дня.

– Еды в холодильнике полно. Да ты, Терехов, мальчик взрослый, с голоду не умрешь. Все, целую.

И, чмокнув Алексея в щеку, Наталья умчалась с сумкой через плечо – внизу ее ждало такси.

Некоторое время Алексей посматривал по пустой квартире, а потом ноги сами понесли его к тайнику. Он достал мешочек, полюбовался золотой фигой, надел на палец перстень. Обратил внимание на то, что тот стал ему слегка тесноват, неужели толстеет? Из маленького мешочка, который он раньше носил на шее, на кожаном ремешке, достал камень. Он был невзрачный, под ноги попадет, никто и не наклонится. Единственное, что отличало его от простого голыша, так это полустертые руны.

Алексей уселся на стул, погладил камень. Под палец попала выщерблина от ножа – не раз уже Алексей мысленно благодарил камень. Артефакт отклонил лезвие ножа в сторону, от сердца фактически отвел, жизнь спас.

За размышлениями и воспоминаниями он сжал камень сильнее и непроизвольно, большим пальцем провел по рунам. Не раз он уже так делал и сейчас ничего не ожидал.

Но раздался треск, как от электрического разряда, и за ним последовала яркая вспышка, от которой Алексей зажмурил глаза. Голова знакомо закружилась, дыхание перехватило.

Пришел в себя Алексей на голой земле. В груди было и радостно и тревожно – он уже понял, что попал в другое время. Но что за местность и какой сейчас год?

Алексей поднялся с земли, огляделся. Деревья стояли в инее, земля была голой, и по ней мела снежная поземка, предвещавшая близкую снежную бурю. Похоже, что было самое начало зимы, а он в джинсах и рубашке, чай – в своей квартире перед переносом был.

Пошарив по карманам, он обнаружил в них только нож перочинный, французский, монеты да зажигалку бензиновую. Лезвие у ножа – десяток сантиметров, только колбасу нарезать и карандаши точить, точно не оружие.

Алексей усмехнулся – снова безоружен. Сколько можно на одни и те же грабли наступать?

Недалеко вилась грунтовая дорога, местами уже переметенная снежком.

Алексей побежал: надо было согреться, мороза градусов пять и ветер.

Через четверть часа показался небольшой хутор, и Алексей обрадовался. Хутор – это тепло и еда. А поскольку на Руси было принято привечать путников в непогоду, он постучал в низкую калитку. Ее можно было запросто перешагнуть, только тогда гостеприимства не жди, непрошеным гостем будешь.

Дверь избы отворилась – не на железных петлях дверь, на кожаных, и Алексей вздохнул: похоже, далеко в глубь веков его забросило. Хотя не факт: хутор маленький, бедный, а железо всегда стоило дорого.

– Кого Бог послал? – подслеповато прищурился хозяин, седовласый старик.

– Пустите Христа ради обогреться.

– Ну так входи, калика перехожий.

На калику Алексей похож не был, но спорить не стал. Он открыл калитку, вошел во двор и легко взбежал по крыльцу.

– Вечер добрый, хозяин.

– Проходи, проходи. Печь топится, согрейся.

Алексей вошел в избу.

Избенка была маленькой, в одну комнату. Посерединке русская печь стоит, на печи старуха, голову свесила, любопытствует, кого принесло.

Алексей у печи встал, приложил руки к теплым каменным бокам, а, согрев ладони, прислонился к печи спиной. Футболка – плохая защита от ветра и мороза.

Пока у печи грелся, комнатенку осмотрел. Скучно, бедно старики живут. Съестным не пахнет, скотины не слышно.

Некоторое время хозяин в сенях возился, и Алексей успел согреться. Но когда тот вошел, то стал задавать Алексею вопросы:

– Ты откуда, милоч?

– Из-под Рязани.

– Так к городу басурмане подступили!.. Давеча торговые люди обозом проезжали, так на ночевку не остановились, торопились уйти подальше.

– Далеко ли до Рязани?

– С полсотни верст будет. Князь-то, Юрий, бают, в городе с дружиной заперся, подмоги ждет. Только басурман тьма!

Алексей стал лихорадочно вспоминать, в каком году князь Юрий в Рязани правил, но не смог этого сделать.

– Год-то ныне какой?

– От Сотворения мира или от Рождества Христова?

– От Рождества, православный я.

– Одна тысяча двести тридцать седьмой.

Алексей мысленно ахнул. Блин, вот угодил! Самое начало монгольского нашествия на Русь, полный беспредел!

– Давай-ка, милоч, почивать, стемнело уже.

И в самом деле, за маленьким оконцем, затянутым бычьим пузырем, – темень. Хорошо, что Алексей посветлу успел до хутора добраться. В темноте запросто можно с дороги сбиться и насмерть замерзнуть в чистом поле. При этой мысли Алексей даже поежился – неприветливо встретила его родная земля в другом времени.

Спать он улегся на полатах. Кроме печи, это было единственное место, где можно было лечь спать. Хозяин дал ему под голову старый кожанок вместо подушки – и на том спасибо.

Полати узкие, жесткие, отвык уже Алексей спать в столь спартанских условиях. Однако уснул сразу, устал он сегодня и замерз изрядно.

К утру в избе стало прохладно, и, проснувшись, Алексей сделал легкую разминку, чтобы разогнать кровь в затекших от жесткой лежанки членах.

Старик закричал и спустился с печи.

В соседнем дворе закричал петух.

– Утро уже. Старуха, ставь кашу.

Алексей помог наносить дров, и, пока хозяйка ставила горшок в печь, Алексей спросил у старика:

– Не найдется ли у тебя зипуна или тулупчика? Я бы купил.

– Поищу. Вроде был где-то старый, ежели моль не потратила.

Хозяин долго возился в сенях, а потом занес в избу крестьянский армяк и заячий треух.

– Дарю. Ежели басурмане нагрянут, все подчистую выгребут али избу сожгут. Чем добру пропадать, носи.

Алексей принял подарок. Выйдя на крыльцо, он встряхнул армяк, и столбом поднялась пыль. Сукно на армяке было проедено молью, источено мышами, через проплешины проглядывала вата. Повесив армяк на забор, он выколотил его палкой. Пылица! – едва прочихался. М-да, подарок еще тот! И заячий треух ему под стать. Но выбирать не приходилось.

С трудом он натянул на себя армяк. Тот был узок в плечах, рукава едва ниже локтя, а в длину едва прикрывал пятую точку. Не армяк, а тесная куртка, одно утешение – замерзнуть не даст. Треух же так толком на голову и не сел, на макушке держался.

Но Алексей тешил себя надеждой приодеться в городе. Денег местных нет, зато руки из нужного места растут. Плотник или гончар с него никакой, но, учитывая нашествие басурман, воинское умение должно быть в цене. Но он собирался не наемником становиться, а в дружину вступить.

Пока Алексей разбирался с одежкой, каша поспела. По бедности своей хозяйкой она была на воде сварена и льняным маслом приправлена.

Хозяин к столу пригласил, миску полную поставил, обочь – краюху хлеба положил.

Скромное угощение Алексей умял быстро, хозяину за приют и стол поклонился, надел армяк, натянул пониже треух и отправился в дорогу.

Жизнь начинала налаживаться. Одно плохо было – оружия нет. А без него – как голому на улицу выйти, любой человек с дубиной или кистенем обидеть может. Хотя, ежели только с дубиной, то Алексей и сам наказать его в состоянии.

Пока шел, размышлял. Кто эти басурмане? Половцы? Скорее всего – моголы.

Первая волна могольского нашествия случилась в 1223 году, когда хлынувшие в Дикую степь орды моголов столкнулись с половцами. Объединенное войско русских и половцев было разбито на реке Калке одноглазым Субэдей-багатуром. Однако дальнейшего продвижения моголов на запад не случилось.

Моголы воевали с империей Нинь. Они одержали победу, но в августе 1227 года умер Чингисхан.

В 1235 году на берегу реки Онона собрался курултай. На нем ханы решили идти на запад, расширять границы империи – войско не должно засиживаться на одном месте. Империи требовались рабы, трофеи.

Этот поход поручили возглавить внуку Чингисхана, Батыю. Военачальником при нем был Субэдей.

Для похода выделили двадцать тысяч воинов, еще двадцать тысяч мобилизовали, призвав из каждой семьи старших сыновей. Количество достаточное, если учесть, что степь больше прокормить не сможет. Каждый воин должен иметь как минимум трех коней – ездового, боевого и вьючного. Многие, начиная с десятников, имели коней больше. А каждая лошадка кушать хочет, пить, и огромный табун в сто двадцать тысяч коней выщипывал и вытапывал огромную полосу степи, оставляя за собой голую землю. А ведь за войском еще шел обоз – жены, дети, торговцы, кузнецы.

Нашествие началось в ноябре 1235 года. В день захватчики проходили по двадцать пять – тридцать километров, и в низовьях Волги, или Итиля по-могольски, они оказались осенью 1236 года.

Штурмом моголы взяли Булгар. Из четырех туменов, по десять тысяч сабель в каждом, два ушли в Крым, преследуя половецкого хана Котяна. Эти тумены возглавлял еще один внук рода чингизидов, Мунке.

Батый же и Субэдей двинулись к Рязани. Город еще не успел толком отстроиться после пожара.

Осада города продолжалась шесть дней. Рязанцы сражались храбро, но силы были неравны, и город пал. В середине декабря 1237 года моголы взяли его штурмом. Семья князя погибла, а самого Юрия взяли в плен.

Алексей поднялся на пригорок. Отмахал он уже изрядно, но на его пути встречались только опустевшие деревни. Прослышав о нашествии басурман, люди бросали жилища, сажали на подводы детей, бросали туда же скудный скарб, привязывали к подводам скот и уходили подальше.

И сейчас навстречу Алексею шел обоз из трех телег, за которыми на привязи шли коровы.

Алексей остановился на обочине, поздоровался, и хмурый селянин натянул поводья:

– Не ходил бы ты туда, парень. Город горит, басурмане бесчинствуют. Уходи куда подальше.

Столицу княжества моголы разграбили, частично сожгли и устроили пир. Молодых парней и девок взяли в плен и, связав, отправили в Булгар, где Батый планировал устроить себе Ставку.

Обрадованные победой, моголы двинулись дальше на север, грабя по пути маленькие города.

Узнав от гонцов рязанского князя о подступивших басурманах, владимирский князь Юрий Всеволодович собрал войско, куда вошли Владимирский, Черниговский и Новгородский полки, а также остатки рязанской дружины. Возглавил поход сын князя Всеволод и владимирский воевода Еремей Глебович. Войско двинулось к Коломне.

Здраво рассудив, что в России делать нечего, Алексей направился на север – он хотел влиться в любую русскую дружину.

Шел долго и трудно, держался в стороне от пути, где прошли моголы – широкая, вытоптанная полоса земли указывала их путь. Конечно, по сторонам от орды шастали их конные разъезды, но Алексей был осторожен и, едва заметив вдалеке всадников, спешил укрыться в ложбине, леске или за избами, если был в деревне. И потому шел, как по пустыне. Люди с семьями бежали, даже зверье разбежалось.

Седой было плохо, и он ел все, что мог найти в брошенных селениях: где горстку толокна находил на дне горшка, где жевал зерна в не до конца вычищенных амбарах. Отощал, но упорства ему было не занимать. Только пеший не ровня конному.

Моголы подошли к Коломне в последних числах декабря, туда явилось и Владимирское войско.

Битва началась первого января 1238 года на прибрежном лугу рядом с городом и продолжалась три дня. Моголы значительно превосходили в силах и все были конны, а в русском войске половина ратников были пешими.

Битва была ожесточенной и закончилась разгромом русских. Воевода Еремей Глебович пал на поле брани, а князь Всеволод с несколькими дружинниками добрался до Владимира.

Алексей только еще подходил к Коломне, когда битва завершилась. Он наткнулся на полусасыпанный снегом труп русского ратника. Видимо, отступающих владимирских воинов преследовали моголы, потому что ратник был убит стрелой в спину. Алексей прошел бы мимо, да увидел древко стрелы, торчащее из снежного намета.

Разгребая руками снег, он перевернул воина на спину, выпрямился и снял шапку, отдавая дань уважения погибшему. Потом расстегнул ремешок шлема на убитом и примерил шлем на себя – он пришелся как раз впору. Снял пояс с мечом, опоясался, вытащил меч из ножен. Железо было не слишком хорошее, лезвие с зазубринами, но на безрыбье и рак рыба.

Алексей немного посокрушался. Меч – оружие тяжелое, рубящее. Тут моголы вперед ушли, саблями воюют. Сабелька – она и полегче будет, и в бою сподручнее, ею не только рубить можно, но и колоть. Русские после столкновений с моголами саблю тоже оценят как оружие, более подходящее для конного боя, но еще почти век меч встречаться будет.

Со стороны Алексей выглядел нелепо: на голове – шлем-шишак с вмятинами, на теле – крестьянский изодранный армяк, и мечом опоясан. Из-под армяка джинсы видны, а на ногах – кроссовки, в которых ноги мерзли нещадно. Смесь одежды и меча – невообразимая. И потому, когда сзади послышался тяжелый топот и на дороге остановилась конная рать, его не приняли всерьез.

– Это что за чучело огородное? – спросил передовой воин.

Конные дружинники дозорного отряда, расположившиеся полукругом за спиной Алексея, засмеялись.

Алексею стало обидно: по одежке встречают...

– А сам-то кто? – сделал он шаг вперед.

Смерд бы согнулся в поклоне, Алексей же вел себя независимо, и воин интуитивно понял, что не смерд перед ним и не холоп.

– Боярин рязанский Евпатий Коловрат! – подбоченился воин. – Сам-то чьих будешь?

– Княжества московского ратник Алексей Терехов.

– А-а-а... – протянул Евпатий. Это для него объясняло и лицо без бороды, и странные одежды.

– Возьмите меня с собой, – попросил Алексей.

– Не на гулянку идем, – посерьезнел боярин, – может статься, головы сложим. Готов ли ты биться до последней капли крови?

– Готов, – не замедлил с ответом Алексей.

– Коли так... Эй, дайте ему заводного коня!

Один из воинов с явной неохотой отдал Алексею своего запасного коня.

– Вернешь опосля, – сказал он. – Кобыла трех годов, сам обучал. А вот седла нет.

– Обойдусь, не впервой. Звать тебя как?

– Брянчиславом.

Алексей вскочил на лошадь. Она покосилась лиловым глазом, но незнакомого седока стерпела.

Алексей тронул коня и поехал рядом с новым знакомцем.

– Пожевать не найдется ли чего? От Рязани пешком иду, хлеба не видал.

Брянчислав повернулся, достал из переметной сумы мешочек и протянул его Алексею. В льняном мешочке оказались сухари. Алексей достал один, впился жадно, разжевал. Дохнуло ржаным духом.

– Сами-то мы пронские, о басурманах слышали, на помощь Рязани пошли. Да поздно уже, пожарище застали. Боярин Коловрат под свой прапор собрал тех, кто уцелел, в погоню двинул, – сказал Брянчислав.

У Алексея рот был набит, и ответить он не мог. Колонна у Евпатия хоть и внушительная, да не более двух тысяч ратников. А у Батыя – два тумена, двадцать тысяч сабель, силы несоизмеримые. Но пока прожевал, раздумал что-либо говорить. Евпатий – служилый боярин, сам знает, на что идет, как и его люди. С этим осознанием и уважение к рязанцам возросло, ведь Пронск – городок из земель рязанских.

Боярин местность явно знал и, еще не доезжая до Коломны, выслал вперед дозор из двух человек.

Колонна ратников остановилась на отдых. Воины навесили на морды лошадям торбы с овсом и сами принялись перекусывать.

Брянчислав поделился с Алексеем куском хлеба и салом. Съели быстро. Теперь бы погреться у костра, да разводиться нельзя, моголы приметить могут.

Через час вернулся дозор, и воины доложили Евпатию, что опоздали они. Войско Владимирское разбито, моголы пировать сели.

Меж тем солнце к закату уже клонилось. В голом поле ночевать неуместно, да и басурмане празднуют победу, нападения не ожидают.

И Евпатий решил напасть. Знал ли он о превосходящих силах врага? Не доподлинно, но предполагал, по пути к Коломне встречал людей из маленьких городков, избежавших разбоя, откупившихся данью и тем спасшихся. Но не усомнился Коловрат: захватчики должны быть наказаны, даже если полягут все рязанцы. И потому он обратился к воинам с краткой речью:

– Братья! Враг перед нами, многократ превосходящий. Простим ли ему смерть детей малых, стариков и женок? Уйдем ли восвояси и покроем себя позором или бой смертный дадим?

– Веди нас, Евпатий! Постоим за родную землю! – вскричали воины.

– На конь! Ударим дружно! С нами Бог!

Воины вскочили на коней, и колонна начала разбег. Снега было еще немного, но земля замерзла и звенела под копытами лошадей.

А уж впереди костры видны, вокруг них моголы расположились. Раненных в битве коней дорезали и теперь в больших котлах конину варят. Дерзкого удара в тыл никто из них не ожидал, и потому моголы вскочили, поднялась паника.

Пешим могол биться не любил и не привык, а после битвы коней от войска уже отвели.

Кони могольские к переходам привычные. Низкорослые, мохнатые, они сроду не подковывались, сена не знали, пропитание себе добывали сами – копытами из-под снега.

Налетели воины Евпатия, и пошла жестокая сеча.

Первую сотню басурман русские ратники вырубili быстро, да остальные моголы сумели организовать, за луки схватились. Но русские с криком «Славься!» рубили и давили.

Подспела дежурная сотня моголов, рубка на равных пошла – жестокая и беспощадная. Моголы после битвы с владимирским войском подустали, да и растерянность свою роль сыграла.

На первых порах рязанцы верх одерживали, глубоко они вклинились в лагерь супостатов. Было бы их побольше, до шатра самого Субэдея добрались бы.

Но уже несколько сотен моголов коней оседлали и по своему обыкновению с визгом в атаку кинулись.

Завязли рязанцы в месиве людей и коней. Направо и налево рубят, мертвые падают, но на их место живые моголы встают.

Некоторое время Алексей рядом с Брянчиславом дрался, но потом его в сторону отгеснили.

Могольские щиты удар меча не держали и разлетались в щепы. Но чужих воинов было слишком много: снесешь мечом одного, а справа или слева возникает другой.

Боковым зрением Алексей видел, что рязанских ратников становилось все меньше и меньше. Лошади уже ступали по трупам, потому что вся земля была устлана ими. Алексей остро пожалел, что на нем нет кольчуги, а в руке – щита. Пару скользящих сабельных ударов он уже пропустил, армяк был рассечен на спине и слева, и оттуда поддувало.

Пал рязанский знаменщик, не видно прапора боярского, как и самого боярина. Он был слишком замечен в своем золоченом шлеме, и моголы бросили против него самых опытных воинов. Слишком тесно было на поле боя, временами могольская и русская лошади толкались боками, бились копытами – даже кусали друг друга.

Алексей был на голову выше рязанцев, не говоря уже о моголах, и был замечен в бою. Никто из врагов не мог устоять против него больше минуты. Меч Алексея описывал сверкающие полукружья, как мельница крыльями на ветру. Только каждый такой полукруг прибавлял моголам потери – отсеченную руку или голову.

Моголы старались держаться на недостижимой для меча дистанции, но долго так продолжаться не могло. Лук в такой толчее применить было нельзя, и моголы нашли другой способ.

Один из могольских воинов зашел сзади, что было совсем не сложно, и, выждав момент, набросил Алексею на шею волосяной аркан. Обычно могол сразу пускал своего коня в галоп, стаскивая чужого всадника на землю. А в толчее как пришпорить коня? И могол стал тянуть за аркан.

Когда шею захлестнула жесткая петля, Алексей попробовал перерубить ее мечом. Но аркан набросили сзади, и точно ударить не получалось. Алексей задевал его лезвием, но перерезать не удавалось. Не зря могольские всадники носили длинные волосы, связанные на затылке в пучок, и перерубить их было не легче, чем толстую жердь. Алексей быстро это понял и выпустил меч из руки.

Аркан стягивал его шею все сильнее и сильнее, воздуха не хватало, счет шел уже на секунды.

Обеими руками он ухватился за петлю, напряг мышцы, и – о, чудо! – ему удалось ослабить хватку. Еще одно усилие – и аркан удастся снять.

Но тут на него набросились с двух сторон, ухватили за ноги и стащили с коня. Эх, седла не было и стремян, опереться не на что.

Алексей упал, моголы навалились по два человека на каждую руку и ногу, шустро связали тонкими кожаными ремешками. Потом с трудом подняли, перебросили поперек лошади. Гомонили радостно, руками размахивали. Ухватив, повели под уздцы лошадь.

Внизу, совсем рядом, мелькали трупы моголов и рязанцев.

Алексей зубами скрипел от злости. Вот влип! А ведь о жестокости моголов к пленным наслышан был. Быть сваренным в котле живьем или оказаться с содранной кожей – еще не самое худшее.

Недалеко от юрты какого-то мурзы его сбросили с лошади. Снег смягчил падение. Рядом лежали еще несколько рязанцев.

Бой постепенно стих. Уже не слышно было криков ярости и боли, звона оружия, ржания лошадей.

Алексей слегка повернул голову вправо, влево: полторы дюжины пленных, восемнадцать человек от двух тысяч! Но каждый из погибших воинов Коловрата забрал с собой одну, две, три жизни могольские – кому как повезло.

Алексей усмехнулся: если так будет воевать каждый город или княжество, силы могольские истают быстро. Помощь из Каракорума если и придет, не раньше чем через два года, слишком далеко столица империи.

Моголы собрали трофеи – оружие, щиты, шлемы и кольчуги убитых, обобрали мертвых, сняв с них цепочки, перстни, кольца. Проще говоря – мародерствовали. Потом продолжили пир и лишь далеко за полночь угомонились, улеглись спать прямо на снегу, постелив конские потники, вокруг каждого костра – десяток.

Пленники лежали на снегу. Перед боем ратники поснимали с себя тулупы и кожухи – в бою такая одежда только движения стесняет. А сейчас холодно стало. Поверх исподнего – только поддоспешник, на нем – кольчуга. Железо промерзло, и людей бил озноб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.